

Цвет счастья

М.Ю. КОНДРАТЬЕВ

Насколько избирательна память человеческая... Как бережно хранит она порой полустершиеся, лишённые смысла образы, жалкие остатки перегоревших чувств, сомнений, мельчайшие подробности безвозвратно ушедшего времени. Как безжалостно вымарывает она лица умерших близких, вычеркивает имена, даты.

Наша жизнь пронизана светом, насыщена игрой красок — калейдоскоп цветовых перемен. У каждого свой спектр чувств, спектр восприятия происходящего. У одного — богатый, наполненный оттенками и переливами, искрящийся, как разноцветные осколки стекла под солнечным лучом; у другого — скупой в своей непреходящей строгости: черное-серое-белое.

Как же несчастны эти люди, пусть и не отдадут себе в том отчета! Сколько прекрасного проходит мимо них, не затрагивая, не оставляя ощущения ЖИЗНИ. Они не могут увидеть, всем существом ощутить то торжественное сочетание праздничных красок, которое ищет каждый — СЧАСТЬЕ.

Для меня оно оранжево-янтарное, осязаемое, кажется, протяни руку и можно дотронуться, ухватить, показать всем: «Вот оно, СЧАСТЬЕ!» Великое СЧАСТЬЕ уметь быть СЧАСТЛИВЫМ, когда ты СЧАСТЛИВ. Часто вспоминают

люди: «Ведь вчера это было СЧАСТЬЕ, как же я не заметил? Как упустил?»

Заслонили мельчайшие черные точки оранжево-янтарный диск, и не увидеть его. Еще увидишь, ведь теперь ты знаешь, что это только иллюзия темноты, лишь пестрины на Солнце, а светит и греет оно ничуть не меньше. Только не прячься в тени сомнений, недоверия и пессимизма, выйди из укрытия обыденности, подставь лицо его лучам, наслаждайся его грандиозностью.

В памяти отпечатываются образы, события для того, чтобы когда-нибудь случайно обнаруженные в лабиринте полузабытого, они напомнили о прошлом, сделали его, мгновенно высветив, вдруг живым и близким, неотъемлемым от настоящего.

Как были бы бесчувственны, чужды и тоскливы среди многоцветия ЖИЗНИ призрачные и блеклые вкрапления прошлого. Но природа и здесь предусмотрела гармонию, гармонию живого и умершего ВРЕМЕНИ — ц в е т о п а м я т ь .

Помню, как вчера, позавчера, неделю, месяц, год назад выхожу из нашего старого подъезда в узкий проходной дворик и, отойдя вглубь пустыря, смотрю на дом, многоэтажную громадину, заслонившую полнеба, ночного, темно-грозного.

Прямоугольная коробка отдает свой цвет поблекшего кирпича ночи, но не

Для цитаты:

Кондратьев М.Ю. Цвет счастья // Социальная психология и общество. Т. 7. № 1. С. 171–173. doi:10.17759/sps.2016070114

растворяется в ее глубокой черноте, а заполняет провал пространства, храня одинаково трепетно и воспоминания о прошедшем дне, и надежду на будущий. Эти дни, которые будут, уже существуют.

Торопящийся новый и уже ушедший старый день, слившись воедино, рвутся из оконных брешей черно-серой стены, стремясь разрушить однотонность ночи. Слабые, но стойкие снопики света, пропущенные сквозь разноцветные фильтры — голубые и темно-фиолетовые, зеленоватые и бледно-розовые, ярко желтые и приглушенно красные — разные, непохожие, как десятки людей, которым они светят. Но что-то общее всегда проглядывает в этом разнообразии.

Дом живет внутри оранжево-янтарным светом, и он, пробиваясь наперекор жалюзи и шторам, падает на улицу скупыми драгоценными лучиками, и его видят прохожие — оранжево-янтарные воспоминания о прошлом и оранжево-янтарные надежды на будущее.

Снег укрыт, словно хрупким панцирем, ломким настом, но и тот слегка припорошен. Утоплены в сугробах, воткнуты чьей-то могучей шальной рукой раздетые черные деревья, жалкие скелеты летних красавцев.

Помню эту странную бесцельную прогулку по зимнему лесу. Ноги, проваливаясь почти по колено, с нежным хрустом втапывали льдистые кусочки наста. Помню, как все время впереди мелькала яркой желтизной между корявых, истекающих мучкой, стволов искусственная шубка. Помню запрокинутое к свинцовому, плюющемся жесткой сечкой снега небу уже чужое лицо. Помню оранжево-янтарные смешинки, мелькающие в сощуренных темных глазах.

Быстрые капли барабанят по асфальту, морща скучный глинаец первых лужиц. Ле-

тят сначала невидимые откуда-то сверху, потом возникают из ничего и вдребезги разбиваются, переставая существовать самостоятельно. Из ничего в ничто...

Длинные, тяжелые, устремленные вниз умирают сосульки, свидетельницы зимы и холодов, весны и воскрешения. Пыль, копоть, осевшие на них за целые месяцы, падают обратно на землю внутри каждого водяного ядрышка, и оно становится серым и невзрачным. Грязное, чумазое летит оно метр, два, пять, десять, и вдруг его пронзает насквозь солнечный луч и оно вспыхивает драгоценным камнем только на секунду, чтобы уже через миг не сверкать больше. Ни одна капля не минует чудесного превращения и на землю сыплется дождь, ливень, водопад оранжево-янтарных брызг, возвещая приход весны, всегда оранжево-янтарной.

Давно, когда еще учился в школе, каждое лето отдыхал на даче. Помню лес за мелкой по пояс речушкой. Он начинался посадками маленьких елочек, тоже по пояс. И я, переходя речку вброд, часто представлял, как, не выбираясь на противоположный берег, но, уже пройдя быстрый ледяной поток, взрезаю телом почему-то ставшую рассыпчато податливой землю, добираюсь до елочек, и они скрывают меня с головой. Полтела под землей, в прорвавшейся к посадкам вслед за мной журчащей водой, полтела прикрыто стоящим густыми рядами молодым ельником.

На самой границе леса молодого и леса старого, искусственно посаженного и выросшего по дремучим законам природы, — будто нейтральная полоса — полупросека, полуаллея. По откосам, неизвестно как и когда появившейся канавы, буйно разросся неприхотливый иван-дамарья, яркими метелочками выгляды-

вают между клочками неопределимой травы соцветия львиного зева. Словно в продуманном беспорядке разбросаны высокие крупные колокольчики. Мы почему-то звали их персидскими.

Если лечь на спину, выбрав место посуше, кажется, что колокольчики все собрались вокруг; но только приподнимешься — их три-четыре цветка рядом, бледно-фиолетово-голубых с белым загнутым, расчлененным пестиком.

Помню, как безотчетно страшно стало, когда неожиданно все темнело. Солнечный свет словно втягивался во внезапно наползшее облачко. А как тревожно-радостно ждать, облокотясь на руку, пока оно невозмутимо медленно проплывет мимо. И свет снова проливается на низкорослые елочки с еще совсем бледными мягкими иголками на концах веток.

Как сказочно безмятежно можно было, опрокинувшись навзничь, слушать деловитую суету забравшейся в нутро львиного зева или колокольчика пчелы, через секунду уже перебирающуюся в знойном оранжево-янтарном мареве к другому цветку.

Мелкое, потерявшее цвет, вылинявшее от жары летнее небо становится осенью значительнее и опускается чуть ниже. Солнце все чаще скрывается за влажными набрякшими облаками, стре-

мясь не тратить сил попусту и надеясь взять свое через год.

Солнце устало отдавать себя... Но труды его не пропали даром — все вокруг из него. Гордо стоят уже теряющие свой привычный вид деревья, усыпая землю мягким золотистым покрывалом.

Листья не лежат на месте, их без усталости носит ветер, и они, кружась и тихо шелестя, создают жалобный гул прощанья. Все окутано точно дымкой, невесомые резные тени мечутся по податливому, будто еще живому ковру. Но каждой из них неминуемо суждено на миг остановиться и быть придавленной навсегда тем листом, которому она принадлежит.

Еще один оранжево-янтарный стежок на оранжево-янтарном платье увядания.

И та зимняя прогулка, и запомнившиеся весенняя капель и осенний листопад, и детский летний лес — все превратилось в оранжево-янтарные воспоминания. Они, как и многое другое, хранятся где-то глубоко-глубоко, почти задавленные серым камнем забытого времени. И под тяжестью этой они сиротливо и обиженно сжались в укромном уголке и превратились в точку, ослепительно оранжево-янтарную.

Но все повторяется, повторится и это оранжево-янтарное прошлое, став настоящим, сегодняшним.

The Color of Happiness

M. YU. KONDRATYEV

For citation:

Kondratyev M.Yu. The Color of Happiness. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2016. Vol 7, no. 1, pp. 171–173. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070114